

А.С. Демин

Изобразительные описания в древнейших апокрифах и старейшей летописи

О древнерусских апокрифах литературоведы написали много, большей частью о крупных категориях, об истории текстов, темах и идеях, сюжетах и жанрах (широким подходом к апокрифам особенно отличилась М.В. Рождественская). Наш же подход иной, нас интересует теоретический вопрос: как появилась образность в древнерусской литературе и каковы были предпосылки этого примечательного явления. Ведь без образности литература — это не литература.

Художественную ценность древнерусских апокрифов исследователи отмечали издавна, но систематическим анализом прежде всего изобразительных средств не занимались — руки не доходили до вроде бы неинтересных «мелочей», так как изобразительные описания в апокрифах обычно кратки, а средства минимальны.

Так-то оно так, но образность как раз и начиналась с мелочей, и на них стоит обратить внимание.

Мы рассмотрим только те апокрифы, которые раньше всего перевели на Руси. Их более 30¹. Начнем с изобразительных

¹ Руководствуемся выделением самых старых апокрифов, предпринятым О.В. Твороговым, М.А. Салминой, М.В. Рождественской, Н.В. Поньрко в кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1987. Вып. I: XI — первая половина XIV вв.

средств в самых выигрышных, на наш взгляд, описаниях внешности вневременных персонажей.

Эти описания внешности можно разделить на несколько важнейших видов по способам и градации изобразительности, в основе которой лежит необычность данного объекта сравнительно с обычным земным объектом. Описания первого вида содержат гиперболические детали (когда речь идет о человекоподобных персонажах). Например, в «Книге Еноха Праведного» сторожи ада «казали» «зубы ... обнажены до перси их»¹; в «Хождении апостола Павла по мукам» у немилостивых ангелов «зубы ... превосходяща выше устну» (т. 2, с. 42).

В описаниях второго вида вневременные существа присоединяли к себе части тела, несвойственные их собратьям на земле. Так, в «Завете Нефталимове» «унець ... имея ... крила орли на хребте его» (т. 1, с. 202); в «Откровении Авраама» змей «руце же и нозе имъи подобно человеку, и крыле на плещю его, — 3 одесную его и 3 ошую его» (т. 1, с. 47); в «Епистолии Иисуса Христа» ниспосланные на землю птицы «имуща главы лвовы, а крила орля, и в перия место власы женьския велики, и во опаши место опаши коньския, и будуть, яко и кони» (т. 2, с. 347–348).

В описаниях третьего вида благодаря сравнениям на один объект переносились не части, а качества совсем другого объекта, и объект как бы «переливался» или превращался в другой объект, в слитность объектов. Вот некоторые примеры. В «Варфоломеевых вопросах» у дьявола «уста ... яко пропасть велика» (т. 2, с. 22), — уста = глубокая пропасть. В «Вопросах Иоанна Богослова Господу» у Антихриста «власы главы ... остри, яко стрелы» (т. 2, с. 176), — волосы = острые стрелы. В «Хождении апостола Павла по мукам» у ангелов немилостивых «очеса ... светяхуся, акы звезда, восходящая заутра» (т. 2, с. 42), — очи, как светящаяся Венера. Это уже образы.

Но не может ли быть так, что все приведенные примеры изобразительны только для нас, но не воспринимались таковыми в те далекие времена? Прямых отзывов на этот счет, конечно, нет. Косвенные же данные все-таки позволяют предположить, что к изобразительности своих описаний составители апокрифов стремились вполне сознательно, о чем свидетельствует обилие предметных описаний необычной внешности персонажей в апокри-

¹ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 23. Далее при цитировании текстов том и страницы этого издания указываются в скобках.

тельства небесных сил. Все четыре вида изобразительных описаний, названных выше, присутствовали и здесь. Необычные предметы спускались в небес (например, в «Исходе Моисееве» на горе Моисею «скрижали камни ... вда Богъ ... исправлены, яко сребро, въ гласе трубнемъ, въ громе, и въ молнияхъ, и въ главняхъ огненныхъ» — т. 1, с. 252) или необычными становились предметы на земле (так, в «Смерти Авраамове» Авраам с архангелом Михаилом «придоста близ реки и обретоста дубъ велик ... и слышаста глас, глаголющъ от ветвии к нима ... и слышав Авраамъ гласа того, устрашися» — т. 1, с. 80). Упоминания о предметах изредка приобретали даже некоторую образность (как в «Паралипоменоне Иеремии» оживал камень: «приимъ камень человеческий глас и възпи» — т. 1, с. 283; в «Никитином мучении» «пила, яко воскъ, бысть» — т. 2, с. 118).

Чаще же всего описания необычного поведения именно людей и животных, притом не на небе, а на земле, выделялись своей выразительностью. И тут тоже воздействовали небесные силы на земных персонажей. Вот некоторые примеры из очень многих. В «Хождении апостолов» апостол Андрей, увидев «жену нагу», пожелал, «да обисит жену сию за власы на аере, ... и абие ... восхити ю ангель и повеси за власы» (т. 2, с. 9). В «Исходе Моисееве» Бог, наказывая египтян, «наведе на землю их жабы; и пиюще воды, и внидаяху въ чрева их жабы, и тако в них кречаху» (т. 1, с. 248). В «Евангелии Иакова» была нарисована картина необычайной «застылости» на земле перед рождением Иисуса Христа: Иосиф «възревъ на землю, видевъ овца стояща; и видевъ делателя възлежаша, и беяху руки ихъ въ опаници (блюде), и взимающе, не приношаху къ устомъ своимъ, и жующе, не жваху; ... и възведе пастырь жезлъ свои ... и рука его дрѣжашеся горѣ; и възревъ въ потокъ, видехъ уста козлищъ прилежаша и не пиюща»¹.

Образные описания поведения и свойств земных персонажей время от времени появлялись и здесь. Например, в апокрифах о Мельхиседеке этот персонаж родился из мертвой матери почти что взрослым («изыде отрокъ из мертвы Софонимы, и сядяше на одре ... и одеяние на нем ... бяше отрокъ свершенъ телом, глаголаше усты своими ... и славенъ взором» — т. 1, с. 27); а став взрослым, Мельхиседек превратился почти что в зверя («пришедъ въ

¹ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 145.

чашу леса ... нагъ ... и хребеть бысть, яко же лвина кожа; корьмя же его бе верши дубное, а в воде место росу лизаша»)¹.

Все подобные описания людей и предметов составители апокрифов использовали тоже ради впечатляющей выразительности, но не «страшности». Поэтому зрители этих чудес чаще удивлялись, чем устранились.

Выразительные описания необычного поведения земных персонажей понадобились уже не для создания систематических «путеводителей», а, вероятнее всего, для накопления отрывочных эпизодов человеческой истории под патронатом небесных сил — как разрозненные дополнения к Библии. Другого объяснения подыскать не удастся.

Кроме выразительных эпизодов чудес в человеческой истории, в апокрифах существовала еще одна «история» — обыденная, бытовая. Упоминаний быта в апокрифах было немного. Изобразительность бытовых описаний достигалась иным способом, чем четыре предыдущих, — предметностью деталей, хорошо знакомых, как говорится, тысячу раз виденных читателями и поэтому мгновенно представимых, но на фоне чудесных событий. Так, апокрифы упоминают немало реальных хозяйственных предметов и домашних животных в благочестивых сюжетах (например, в «Откровении Авраама»: «напоихъ осла и положихъ ему сена» — т. 1, с. 34; в «Смерти Авраама»: «идете въ стадо, и приженете боровы, и заколите скоро, и сварите, да ядимъ и пиемъ... Налей рукомыю воды, да умью ноzi гостю сему»; а после «постла одръ ... възжег свещу и постави на светиле» — т. 1, с. 80—81; в «Исходе Моисееве»: «вшед над реку волу, возмутися вода» — т. 1, с. 250; в «Завете Нефталимове»: «Солнце не сквернитися, призирая на гнои и на каль, но обое исушаеть и отгонитъ смрадъ» — т. 1, с. 144).

Реальные хозяйственно-бытовые и природно-земные детали иногда проникали и во внеземной мир, внося свою лепту в выразительность описаний. Так, в «Хождении Богородицы по мукам» в аду «клокотаху, яко въ котле, и, яко морьская волны ... възсужаху» (т. 2, с. 26); в «Хождении апостола Павла по мукам» представляли «ангелы ... препоясаны златы поясы в чресла», а грешнику «волна огнена ударяше ... в лице, яко буря» (т. 2, с. 42, 51); в «Откровении Авраама» небесный путешественник углядел «ту мужа нагы ... и срамоту ихъ» (т. 1, с. 48). Но особенно любопытно

¹ Пам. СРЛ. СПб., 1862. Вып. 3 / Изд. подгот. А.Н. Пыпин. С. 23.

«Слово на Лазарево воскресение» (в краткой редакции, по определению М.В. Рождественской), где Давид сидит в аду, как в некоем звукопроницаемом помещении: «рече Давидъ ... седа в преисподнемъ аде: “Уже бо слышно — пастыри свирають у вертепа, а глас ихъ проходить адова врата, а в мои уши приходить; а уже слышу топотъ ногъ перскихъ коней...”»¹.

Причина ненавязчивого проникновения бытовых мотивов в апокрифы оказывается фундаментальной. Ведь в основу всех изобразительных описаний в апокрифах, куда ни посмотришь, легла обыденная земная жизнь, но преобразованная авторской фантазией различными способами, из которых главным было сосредоточение составителей на необычных предметных деталях, на необычных действиях и на необычных качествах описываемых объектов. В результате, хотели того авторы или нет, апокрифы изображали три параллельных мира — страшный внеземной мир; удивительный земной мир, контактирующий с небесами; и менее заметный мир приземленный, контрастный чудесам. Так благодаря поэтике необычности появились «кирпичики» изобразительности и элементы образности с самого начала литературы Древней Руси.

Но это византийское наследие. Теперь рассмотрим, что же прижилось в оригинальной литературе Древней Руси — на материале пока лишь «Повести временных лет». И.П. Еремин и Д.С. Лихачев плодотворно исследовали «масштабную» поэтику этой летописи, однако не специально проблему ювелирной художественности ее описаний. Попытаемся кое-что добавить уже по нашей «микроскопической» теме.

Летописцы XI — начала XII вв. владели всеми пятью изобразительными способами выразительных описаний. Далекие внеземные миры летопись, естественно, не изображала предметно, а вот о необычном явлении на небе летопись упоминала не без выразительной необычной детали (например, под 1064 г.: «звезда превелика луче имущи, акы кровавы»²) и даже описывала образно (далее в той же летописной статье: «солнце пременися и не бысть светло, но, акы мясяць, бысть, — его же невелгласи глаголють снедаему сущю» — лист 164). Описания внешности бесов тоже выделялись образностью (бесы, которые «живуть в безднахъ, суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще» — лист 179,

¹ Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 229.

² ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 / Текст летописи подгот. Е.Ф. Карский. Стб. 164. Далее столбцы указываются в скобках.

под 1071 г.; а появляются на земле то «въ образе ляха в луде и носяща в приполе цветкы»; то как «уноши ... красна, и блистаста лице ею, акы солнце»; то «яко се много народъ с мотыками...», другоици бо ... въ образе медвежи» и пр. — 190, 192, 193, под 1074 г.). Воздействие же благих небесных сил требовало гиперболизации в описаниях (например, в бою «мнози человеци благовернии видеша крестъ над ... вои, възвышья велми» — лист 270, под 1097 г.; «бысть знаменье ... явися столпъ огнень от земля до небеси, а молнья осветиша всю землю и в небеси погреме в час 1 нощи, и весь миръ виде ... ангель бо сице является» — лист 284, под 1110 г.).

Земная жизнь изображалась в летописи, конечно, намного богаче, чем в апокрифах. Выразительные описания природных явлений, например ночи, содержали и необычные контрастные детали («бывши нощи, бысть тма ..., яко посветяше молонья, блещашеться оружье» — лист 148, под 1024 г.), и детали образные («акы пожарная заря, от вьстока, и уга, и запада, и севера; и бысть тако светъ всю ноць, акы от луны полны, светящья» — лист 276, под 1102 г.). То же происходило с лаконичным описанием необычных свойств предметов (например, корабли-вездеходы: «воставляти на колеса корабля ... въспя парусы, съ поля и идяше къ граду» — лист 30, под 907 г.); да и с описанием частей тела тоже (например: «взяша главу его, и во лбе его съделаша чашо, оковаше лобъ его, и пяху из него» — лист 74, под 972 г.).

Но особенно много в летописи описаний людей и их деяний. Броско и сжато изображалась необычная, ненормальная внешность персонажа («детищъ ... бяшетъ бо сиць: на лици ему срамнии удове; иного нелзе казати срама ради» — лист 164, под 1065 г.). Господствовало в летописи изображение необычного, противоположного нормальному, поведения или состояния персонажей в материальном мире (так, «аще поехати будяше обьрину, не дадыше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обьрена» — лист 12). Целые народы вели себя странно («секуть гору, хотяще высечися; и в горе тои просечено оконце мало; и туде молвятъ, и есть не разумети языку ихъ; но кажють на железо и помавають рукою, просяще железа ... ножъ ли, ли секиру» — лист 235, под 1096 г.). Летописцы использовали и краткие образные зарисовки необычных, по их мнению, людских поступков и состояний (мусульманин в мечети «глядить семо и онамо, яко бешень» — лист 108, под 987 г.; парализован-

ный монах «на ноги нача вставати, акы младенець» — лист 194, под 1074 г.; растерявшийся князь «седаше, акы немъ» — лист 259, под 1097 г.) и т.д. и т.п.

Описания военных событий тоже получались гиперболическими и образными (вот некоторые примеры: плывет «бещисла корабль, покрыли суть море корабли» — лист 45, под 944 г.; вражеское войско в битве «сбиша ... акы в мячь, яко се соколь сбиваеть галице» — лист 271, под 1097 г.).

Наконец, преимущественно в воинских эпизодах с неожиданными поворотами сюжета упоминались хорошо знакомые и поэтому хорошо представимые детали (например: князь во время сражения, когда «идяху стрелы, акы дождь ... ударенъ бысть подь пазуху стрелою на заборолехъ сквозе дску скважною — лист 272, под 1097 г.).

Чем объяснить такое изобилие в использовании предметных изобразительных средств летописцами и частоту выразительных описаний в «Повести временных лет», сопровождаемых упоминаниями эмоций и переживаний персонажей? Прямого влияния апокрифов на эти описания не наблюдается. Летописцами уже был накоплен свой литературный опыт. Стремления летописцев к образности как самоцели не существовало. Зачем же летописцы старались сделать свое повествование выразительным? Причина, вероятно, заключалась в «учительной» направленности «Повести временных лет». Летописцы вводили в свое повествование именно те изобразительные описания, которые давали повод для заключительных благочестивых оценок и для целых поучений, споров и обличений. Каким персонажи «живяху образом»: «прелюбодей бысть»; «живь в добродетели»; «бе прозорливъ»; «согрешихом и казними есмы» и т. д. Что ниспосылает Бог: «велико спасенье Богъ створи»; «се же Богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ»; «на поруганье бесу» и пр. Или извлекался урок на будущее: «кто мать не послушаеть, — в беду впадаеть ... смерть прииметь»; «зло встанеть на нас» и т. п.

В заключение для полноты картины укажем на еще одно повествовательное средство в летописи, выразительное уже не за счет изобразительности и не благодаря предметным деталям. Это выражения простые, однако производящие впечатление своей скрытой авторской экспрессией, внутренней оценкой (обычно отрицательной) необычных действий и состояний персонажей. В апокрифах, не рассказывающих о делах земных, почти не найти подобных выражений. Зато в «Повести временных лет» их нема-

ло, особенно когда речь шла о семейных взаимоотношениях князей (например: «пойде Ярополкъ на Олга, брата своего»; «залеже жену братьню ... не по браку», «убиите брата моего» и пр. — листы 74, 78, 132, под 977, 980, 1015 гг. Осуждение в этих фразах выразилось лишь подспудно и лишь косвенно поддерживалось контекстом). Бесовское воздействие на людей тоже обозначалось такими экспрессивными фразами («лежаще оцепъневъ, и шибе имь бесъ» — лист 179, под 1071 г.; бесы «начаша имь играти» — лист 193, под 1074 г. и др.)

Старейшие апокрифы и старейшая древнерусская летопись показывают, что изобразительные описания были исконной и всегдашней принадлежностью древнерусской литературы, использовались авторами для выразительности повествования, но с самыми разными целями — познавательными, нравочительными, политическими.

